

Подвиг молодого Платова

"...Витязь Дона,

Русской рати оборона,

Неприятелю аркан,

Где наш вихорь-атаман?"

(В.А. Жуковский)

3 апреля 1774 года Платов принял бой, который выиграть, казалось бы, нельзя было в принципе. На реке Калалах отряд казаков примерно в 1000 человек окружило почти двадцатипяти тысячное войско Девлет - Гирея. 8 атак татарско-турецкого войска было отбито маленьким гарнизоном хлипкого вагенбурга до подхода подкреплений. Отряд и обоз были спасены, а немаленькое войско новоявленного крымского хана разбежалось кто куда. Об этом подвиге узнала вся русская армия и сама императрица наградила молодого казацкого героя специальной золотой медалью.

В середине марта Девлет - Гирей с десятью тысячами своего войска и с пятнадцатью тысячами присоединившихся к нему "азиатских хищников" вышел из Тамани и двинулся к кочевьям ногайской орды, по пути принимая разнопородное пополнение. Были у него и турки, и татары, и черкесы, и донцы-некрасовцы, и какие-то "арапы". Лишённые вождей ногайцы колебались, лишь небольшая часть присоединилась к мятежному хану. Не вполне доверяясь ногайцам, многоопытный Бухвостов предусмотрительно держал ногайскую старшину с семьями при своём лагере. Получилось так, что Девлет - Гирей и противостоявший ему отряд подполковника Бухвостова, пришедший из 2-й армии "блюсти ногайские интересы", дрались на ногайской территории за влияние на этих самых ногайцев. А сами ногайцы были как бы зрителями в этой кровавой драме. Девлет - Гирей напирал, хотел схватить и вырезать ногайскую верхушку, верную союзу с русскими (а может, и не вырезать вовсе, а по-хорошему договориться). Ногайцы пятились, поскольку хоть и ненавидели, но боялись русских, устроивших им несколько лет назад на Дунайском театре знатное кровопускание. Вместе с тем они совсем не верили туркам и крымчакам, но и не хотели поднимать оружия против этих единоверцев. Естественно, что гонцы и целые отряды ездили из крымского лагеря в ногайский и обратно, уговаривали, сомневались, обещали, обманывали. А Бухвостов, как сторожевой пес, отгонял крымских "волков" от ногайских "овец". На территории Едисанской ногайской орды полуторатысячный отряд Бухвостова разгромил авангард крымчаков под началом брата хана Шаббас - Гирея. Едисанские ногайцы после этого враз "определились" и вместе с гусарами и казаками преследовали и рубили разбитых крымчаков. Ночной налет крымцев на казачий полк Ларионова также был отбит. Но все эти стычки, в которых "забавы много, толку мало", скоро закончились.

Девлет - Гирей со всем своим войском подступил вплотную, И Бухвостов настоял, не надеясь на ногайскую дружбу, чтобы Орда передвинулась ближе к русской границе, под прикрытие русских

пограничных войск. А чтобы ордынцы были поговорчивее, направил им для приманки большой обоз с провиантом. Орда снялась. Чтобы сопровождать обоз и прикрывать уход ногайцев, на речке Калалах были оставлены казачьи полки Ларионова и Матвея Платова. Место это находится на севере современного Ставропольского края, возле границ Ростовской области. Чуть западнее, если пересечь границу Краснодарского края, на возвышенности берут свое начало речки Ея, Челбас, Рассыпная и сам Калалах.

Перед рассветом третьего апреля, когда полки эти стояли в вершинах реки Калалах, с передовых постов разведка дала знать, что "валит силы татарской видимо-невидимо". Не успели казаки опомниться и сесть на коней, как весь горизонт уже покрылся черной тучей татарской конницы. Это были главные силы Девлета, у которого насчитывалось тогда около тридцати тысяч разных азиатских всадников. Казалось, что горсть казаков, не превышавшая в обоих полках тысячи конников, моментально будет раздавлена налетевшим на нее ураганом. Действительно, первой мыслью, которая появилась у донцов под этим впечатлением, было покинуть обоз и уходить, пока еще не поздно. Растерялся даже более опытный Ларионов, бывший лет на десять старше своего товарища, но Платов не растерялся. Счастье его характера заключалось в том, в критических ситуациях был Матвей Платов хладнокровен, деятелен и действовал молниеносно. Он думал иначе, а именно, что долг их заключается в защите транспорта до последней крайности, что лучше отбиваться два или три дня, пожертвовать частью отряда, что, наконец, лучше всему отряду погибнуть с честью, нежели потерять обоз, нейтралитет ногайцев и этим, быть может, подорвать успех всей кубанской кампании.

"Друзья мои! - воскликнул он, обращаясь к полку. - Вы видите сами, какая сила татар окружает нас! Нам нужно биться с этой силой - и победить ее или лечь костьми, как поступали наши деды! Не будем же мы русские, не будем донцы, если устроимся проклятого татарина!" Ровный, спокойный и, как бы, не признающий никакой опасности, голос его отрезвил казаков, уже близких к панике.

Пользуясь этой минутой, Платов приказал им быстро сдвинуть телеги так, чтобы загородить со всех сторон небольшой окоп, возведенный казаками за ночь. Между тем он вызвал из своего полка двух расторопнейших людей на лучших конях и приказал им как можно скорее известить обо всем Бухвостова, который был неподалеку со всей ногайской знатью.

"Помните, - сказал им Платов, - что вам, быть может, предстоит пробиться сквозь неприятеля. Дон не забудет вашей услуги, а если суждена вам славная смерть, то знайте, что вы положите головы в честном бою за край ваших отцов, за православную веру, за ваших братьев, за матушку-царицу - за все, что есть на земле святого и драгоценного для русского чувства!".

Восторженная речь воодушевила казаков. Оборона была решена, и два полка засели в осаду. Нельзя не заметить, что Платову в это время было только двадцать три года. Он был моложе Ларионова летами и службой, но его энергия и нравственное влияние на казаков были так велики, что фактическое командование отрядом само собой перешло в его руки.

Было часов восемь утра, когда громадная сила татар со всех сторон обложила казачий стан, укрывшийся за утлой оградой, которую никто бы в наше время не осмелился назвать укреплением. Казаки увидели, как развернулось большое ханское знамя и как толпа, приветствовавшая его появление диким ревом, двинулась на приступ. Первое нападение, однако же, было отбито - казаки устояли. Но бежавшие татары тотчас сменились другими, свежими толпами, и за первым приступом последовал второй, за вторым - третий, четвертый, пятый...

Боковые фасы укрепления сплошь завалились телами побитых татар, но по этим трупам ломались и лезли на вагенбург все новые и новые люди... Рук не доставало, чтобы везде отбивать нападающих. А между тем, не сдержи казаки напора где-нибудь в одном месте, гибель всех была бы неизбежной. Платов сам обходил ряды и увещевал всех постоять до конца за Тихий Дон, за матушку-царицу. Семь приступов уже было отбито, начинался восьмой, и сомнение мало-помалу стало закрадываться в сердца даже этих железных защитников. Тогда старый боец, еще недавно прославивший себя молодецкой битвой, полковник Ларионов, отозвал Платова в сторону.

- Посланные тобой казаки, - сказал он ему, - вероятно, погибли; мы истощили все силы, большая часть лошадей наших перебита, и без особой помощи свыше нам нельзя ожидать спасения...

- Что же ты хочешь сказать этим? - перебил его Платов.

- Я думаю, - продолжал Ларионов, - что нам благоразумнее выговорить себе какие-нибудь условия, чем бесполезно продолжать оборону.

- Нет! Никогда! - воскликнул Платов. - Лучше умрем, нежели покроем стыдом и позором честь нашей отчины.

- На что же ты надеешься? - спросил Ларионов.

- На Бога, и верю, что Он не оставит нас своей помощью.

Ларионов молча пожал ему руку. В это самое время Платов, пристально вглядывавшийся в степь, вдруг радостно перекрестился. Ему показалось на самом горизонте большое серое облако, которое быстро росло, ширилось и вдруг зарыбило многими точками. Эти точки отчетливо и ясно стали вырисовываться в прозрачной синеве вечернего воздуха, и зоркий глаз степняка безошибочно угадал в них скачущих всадников.

- Ребята! - воскликнул Платов. - Смотрите, уж это не наши ли скачут на выручку?..

- Наши! Наши! - закричали казаки, и сотни рук поднялись, чтобы сотворить крестное знамение.

Помощь действительно была недалеко. Один из казаков, посланных Платовым, был убит, но другой доскакал до Бухвостова и передал ему известие, которое мгновенно подняло на ноги весь отряд. Гусары, казаки, драгуны бросились седлать лошадей. Шумный говор пошел по всему бивуаку. Одни татары, узнав о близости Девлета, пришли в отчаяние и ни за что не хотели следовать за нашими войсками. Знатные ногайцы вместе с Бухвостовым идти отказались, и вождь их, Джан Мамбет "с изумлением и жалостью смотрел на отряд, числом не более 500 сабель, скакавший, как он полагал, на свою гибель". Уговаривать их было некогда. Пока Бухвостов с эскадром ахтырских гусар и с легкой драгунской командой выезжал из лагеря, полковник Уваров со своим казачьим полком уже был далеко впереди и прежде всех подоспел на помощь. Минута - и триста казаков с опущенными пиками врезались в тыл неприятелю. Это была атака отчаянная, безумная, не оправдываемая ничем, кроме слепой и дерзкой отваги, но именно эти-то свойства ее и имели решающее влияние на судьбу Калалахской битвы. Десятки тысяч людей, несомненно, храбрых, вдруг дрогнули и, смешавшись, как робкое стадо, обратились в неуправляемое бегство. Началась паника - та страшная паника, которая безотчетно охватывает массы и подчиняет их одному только животному инстинкту самосохранения. Платов посадил своих

казаков на уцелевших коней и ударил из "окопа". Казаки, преследуя бегущих, нагнали их прямо на отряд Бухвостова, который принял их картечью из четырех орудий. Это была единственная победа, едва ли когда встречающаяся еще в наших военных летописях. Тысяча всадников гнала перед собой двадцатипятитысячную армию, охваченную паникой! Три раза пытался неприятель остановиться, чтобы собрать свои рассеянные силы, и три раза, сбитый Бухвостовым, снова бросался в бегство. Опомнившиеся ногайцы приняли в преследовании Девлет - Гирея живейшее участие и рубили всех, кого удалось настигнуть. Крымчаков и закубанский сброд преследовали до Кубани. И здесь Платов отличился. "Платов, - доносил потом Бухвостов, - будучи в огне, оказался вполне неустрашимым. Он сумел ободрить своих подчиненных, приходивших уже в отчаяние, и этим способом удержал их в слабом укреплении до моего прибытия. Затем, во время преследования, он с величайшей опасностью для жизни бросился на многочисленные толпы неприятеля, подавая пример своим подчиненным, особенно в лесном сражении близ Кубани, где ободренные им спешенные казаки оказали храбрость примерную". Это был финал, после которого все татарское скопище разбежалось в разные стороны, и собрать его не представлялось уже никакой возможности. Казакам досталась богатая добыча. На месте боя они собрали и похоронили свыше пятисот неприятельских трупов. У Платова вышло из строя только восемьдесят два человека, но до шестисот лошадей, так что большая часть его отряда осталась пешей.

"Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, - говорил известный наш партизан Д.В. Давыдов, - тот пусть вспомнит подвиг молодого Платова, и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту же ступень славы, на которую вознесла она и маститого героя Дона". Калалахская битва была выиграна. Дон был спасен от погрома, и с этих пор казаки заговорили о Платове, как о чем-то чудесном. Начальство обратило на него особенное внимание, и вся армия, также двор и сама императрица узнали его имя. Но всех более полюбил его знаменитый Потемкин, который до самой смерти своей оставался истинным его благодетелем и покровителем. Калалахское сражение было, можно сказать, яркой зарей блистательной славы, которая сделалась с тех пор неразлучной спутницей его на военном поприще.